

**МЕФОДИЙ
БУСЛАЕВ**

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Маг полуночи
Свиток желаний
Третий всадник мрака
Билет на Лысую Гору
Месть валькирий
Тайная магия Депресняка
Лед и пламя Тартара
Первый эйдос
Светлые крылья для темного стражи
Лестница в Эдем
Карта хаоса
Ожерелье дриады
Стеклянный страж
Танец меча
Огненные врата
Книга семи дорог
Ладья света
Ошибка грифона
Самый лучший враг

Д М И Т Р И Й Е М Е Ц

МЕФОДИЙ БУСЛАЕВ

МЕСТЬ ВАЛЬКИРИЙ

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9-053.6

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Е60

Серийное оформление *В. Безкровного*

Иллюстрация на обложке *Евы Елфимовой*

Емец, Дмитрий Александрович.

Е60 Месть валькирий : [роман] / Дмитрий Емец. –
Москва : Эксмо, 2017. – 416 с. – (Мефодий Буслаев.
Легендарное детское фэнтези).

ISBN 978-5-04-198232-4

Валькирия-одиночка убивает на поединке полуночную ведьму – и бросает тем самым вызов Мраку. Ответить на него должен Мефодий Буслаев, ведь именно ему ведьма преподнесла свой последний дар. Копье валькирии и изменивший Свету меч Древнира сойдутся в бою. Но Ирка знает: для того чтобы победить, ей не обязательно сражаться, достаточно просто назвать свое имя. Ведь тогда тайна валькирий защитит себя сама и наследник Мрака погибнет. Но разве Ирка сможет так поступить?! Нет, она готова на все, чтобы сохранить Мефодию жизнь...

**УДК 821.161.1-312.9-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-04-198232-4

© Емец Д., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2017

КОДЕКС ВАЛЬКИРИЙ

1. Валькирия не должна использовать свои возможности в собственных интересах.
2. Никто из прежних знакомых валькирии не узнает ее. Валькирия не должна открывать никому тайны. Иначе тайна защитит себя сама и всякий услышавший ее умрет.
3. Валькирия должна держать под контролем свои звериные и птичье воплощения.
4. Валькирия должна любить всех одинаково, никого не выделяя, и не может быть счастлива в любви. Того, кто полюбит ее, ждет гибель.
5. Валькирия должна принять брошенный ей вызов. Кем бы и при каких обстоятельствах он ни был брошен.
6. Валькирию, которая нарушит любое из правил, ждет Суд Двенадцати.

Глава 1

HONORES MUTANT MORES¹

Бояться нет смысла. Все, чему суждено случиться, все равно произойдет.

Универсальный кодекс стражей

Одна минута тридцать секунд. Правая рука сдается. Почему-то всегда раньше левой. Я что, скрытый левша, что ли? Локоть начинает трястись.

Минута тридцать пять секунд. Пот заливает глаза. Левый локоть поддается дурацкому влиянию правого и тоже трясется. А ну стоять, я сказал!

Минута сорок. Дыхание сбивается. Костяшки пальцев болят. Правая рука согнулась уже почти на треть. Выпрямить ее удается лишь огромным усилием.

¹ Почести изменяют нравы (*лат.*). Плутарх. Жизнь Суллы. С. 30.

Минута пятьдесят. Трясутся оба локтя. Хочется все бросить. Начинает прогибаться таз. Тело пытается найти дополнительную опору.

Две минуты. Секундная стрелка прилипла к часам. Уже ничего не болит, но ничего и не хочется. Дышать получается только носом.

Две минуты десять. Локти не просто трясутся. Это, по-моему, просто мышечная судорога. Секундную стрелку едва видно.

Две минуты тридцать. Воля истаивает. Желание сдаться становится навязчивым. Неужели две минуты сорок? Краткое торжество. Капля воды, упавшая на язык умирающему от жажды. Сплошное издевательство.

Две минуты пятьдесят. Вновь наваливаются слабость и безволие. Все ясно! Это заговор часов! Умрите же, ничтожные!

Мефодия захлестывает негодование. Он смотрит на часы с ненавистью. Стекло темнеет и лопается. Под часами внезапно обнаруживается светлая лужица растекшегося металла. Часы оплывают как на картине Дали и впитываются в трещину щербатого паркета.

Досчитав до десяти (с каждым счетом руки все больше сгибаются), Мефодий перекатывается на бок — выставить колено и встать нормально нет сил — и долго лежит так, улыбаясь. Восьмые часы за два месяца. Отличный швейцарский хронометр

стоимостью с автомобиль расплавлен негодующим наследником Мрака, который устал стоять на кулаках.

«Простоять на кулаках восемь раз по три минуты — это так просто. Особенно тому, кто никогда этого не делал», — сказал как-то Арей. Сказал и забыл. А Мефодий запомнил.

Ругая себя, Мефодий встает, подходит к столу и смотрит, сколько букв ему осталось. Одна, последняя. Он берет фломастер и записывает ее — «Л». Слово завершено. Вот оно, на бумаге, похожее на цепочку дохлых пауков:

ИНФАНТИЛ

Именно так три месяца назад, вспылив, назвала его Даф, и теперь Мефодий как плетью ежедневно подхлестывал этим словом свою слабеющую волю. С Даф они помирились, но все равно слово висело между ними в воздухе точно меч Дамокла — к слову сказать, стража четвертой категории, без права ношения регалий.

— Инфантил! — повторял себе Мефодий. — Инфантил!

И не важно, занимало ли слово «инфантил» почетное законное место в словаре или просто было обрубком прилагательного. Жалило оно больно. Знала ли Даф, что одним случайно сорвавшимся с языка словом она имеет все шансы выковать

из обычного подростка достойного наследника Мрака?

Отныне Мефодий воспитывал волю ежеминутно. Он делал только то, чего ему не хочется, и, напротив, старался не делать того, чего ему ужасно хотелось. Например, клал на стол перед собой большую плитку шоколада и не прикасался к ней до девяти часов вечера. Или настраивал заклинание так, что оно будило его в половине шестого. Он просыпался и сразу рывком вставал, потому что вокруг было темно и серо и хотелось застрелиться, но оставаться под одеялом. Внутренняя стрелка воли и энергии, которую он представлял себе всегда очень ярко и материально, прилипала к нулю.

Понукая себя, он быстро одевался и выходил на улицу на трехкилометровую пробежку. Первый километр давался туго, так как жутко хотелось спать, зато потом дело шло бодрее, и он возвращался в резиденцию проснувшийся и свежий. У дверей, напрашиваясь на пинок и получая его, околачивались обычно два-три ранних комиссионера, принесшие Арею эйдосы. Кущая и страшная очередь.

Но случались и неудачи. Гнусные провалы воли. Порой бывало, что, уже натянув спортивный костюм, Мефодий совсем обессилевал. Внутренне махнув на все рукой, он падал на кровать и спал, спал, спал, пока его не будила Даф или Чимоданов не присыпал к нему Зудуку, который, подкравшись, выпаливал из пистолета над самым ухом.